

ПРИНЦИПЫ ОЦЕНКИ (DIIUDICATIO)
И ИСПОЛНЕНИЯ (EXECUTIO)
В ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ КАНТА
(НА МАТЕРИАЛЕ «ЕСТЕСТВЕННОГО
ПРАВА ФАЙЕРАБЕНДА»
И ЛЕКЦИЙ ПО ЭТИКЕ)

Л. Э. Крыштон^{1,2}

Рассмотрены принципы оценки (*diiudicatio*, *Beurteilung*) и исполнения (*executio*, *Ausübung*) в записях лекций Канта по естественному праву («Естественное право Файерабенда»). В данном манускрипте эти принципы в качестве двоичной схемы используются дважды, и оба раза – во введении к первой главе. Для пояснения значения данных понятий автор статьи анализирует другие случаи их употребления в философии Канта. Устанавливается, что в качестве двоичной схемы они встречаются только в записях различных лекционных курсов и черновых заметках. Подавляющее число случаев употребления диады этих принципов приходится на докритический период. В критический период их можно встретить только в первой половине 1780-х гг. В «Естественном праве Файерабенда» мы видим самый поздний случай их употребления. Чаще всего эти принципы используются в моральной философии. Здесь они имеют два основных значения – принцип оценки соответствует объективному основанию воления, тогда как принцип исполнения указывает на субъективное основание; для оценки морального долга нам достаточно одного только разума, для его исполнения необходимо предположение посторонней воли (божественной). В ходе исследования устанавливается, что эти понятия Кант заимствует из лекционного курса по логике, где они имели иное ведущее значение: принцип оценки служил

¹ Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН им. Патриса Лумумбы), Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

² Российский государственный гуманитарный университет, Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6.
Поступила в редакцию: 11.09.2024 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-4-4

PRINCIPLES OF ADJUDICATION
(DIIUDICATIO)
AND EXECUTION (EXECUTIO)
IN KANT'S PRACTICAL PHILOSOPHY
(BASED ON FEYERABEND'S NATURAL
RIGHT AND LECTURES
ON ETHICS)

L. E. Kryshpton^{1,2}

This paper is concerned with the principles of adjudication (*diiudicatio*, *Beurteilung*) and execution (*executio*, *Ausübung*) in the notes of Kant's lectures on natural right ("Feyerabend's Natural Right"). In this manuscript these principles are used as a binary scheme twice, each time in the introduction to the first chapter. To explain the meaning of these concepts I use other cases of their use in Kant's philosophy. I have established that they are used as a pair only in the notes of various lecture courses and in rough drafts. The majority of these uses occur in the pre-critical period. In the critical period they can be encountered only in the first half of the 1780s. The latest case occurs in "Feyerabend's Natural Right". More often than not these terms are used in moral philosophy. Here they have two main meanings: the principle of adjudication corresponds to the objective foundation of volition, whereas the principle of execution points to the objective foundation; to adjudicate moral duty reason alone is enough, to execute it external (divine) will needs to be posited. The research has established that Kant borrows these concepts from the lecture course on logic where their main meaning is different: the principle of adjudication serving to determine theoretical cognition and the principle of execution, practical cognition. The source of the transformation that occurred in transferring these concepts to the sphere of moral philosophy is Meier's Compendium. The pair is

¹ Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).
6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow, 117198, Russia.

² Russian State University for the Humanities.
6 Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russia.
Received: 11.09.2024.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-4-4

для определения теоретического познания, принцип исполнения – для определения практического познания. Произшедшая при перенесении этих понятий в сферу моральной философии трансформация имеет своим источником компендиум Майера. В нем данная пара понятий не используется, однако присутствует разделение познания на теоретическое и практическое. При этом практическое познание определяется Майером как такое, которое способно воздействовать на способность желания. В «Естественном праве Файерабенда» отражаются все три выделенные значения принципов оценки и исполнения.

Ключевые слова: Кант, естественное право, принцип оценки, принцип исполнения, лекции, логика, моральная философия

В последнее десятилетие кантовские лекции по естественному праву привлекают все больше внимания исследователей (Hirsch, 2012; Guyer, 2012; Sadun Bordoni, 2016; Хинске, 2014). Немалую лепту в оживление этого внимания внесли и появившиеся не так давно критические издания этих записей на немецком языке (Delfosse, Hinske, Sadun Bordoni, 2010–2014), а также их переводы на другие европейские языки – итальянский (Kant, 2016a), португальский (Kant, 2010)³, английский (Kant, 2016b). Некоторые их фрагменты переведены и на русский язык (Кант, 2016a; 2016b; 2017).

Эти лекции интересны по разным причинам. Прочитанные Кантом в 1784 г.⁴, они включают фрагменты, содержательно, а порой и текстологически близкие к «Основоположению к метафизике нравов». В то же время некоторые важные впоследствии для кантовской практической философии мысли представляются здесь под иным углом. С этой точки зрения наиболее интересно «Введение» к данным лекциям. В частности, в нем Кант формулирует свой категорический императив без ка-

³ В ближайшее время планируется публикация перевода всего текста «Естественного права Файерабенда» на португальский: *Direito Natural Feyerabend*. Translation: Monique F. Hulshof and Fernando Costa Mattos. Rio de Janeiro : Editora Vozes, 2025 (в печати).

⁴Подробнее о датировке см.: (Крыштоп, 2016, с. 68–69).

not used in it but the separation of knowledge into theoretical and practical is present. Meier defines practical knowledge as knowledge that can affect volition. “Feyerabend’s Natural Right” reflects all three meanings of the principles of adjudication and execution.

Keywords: Kant, natural right, principle of adjudication, principle of execution, lectures, logic, moral philosophy

The last decade has seen a growth of interest in Kant’s lectures on natural right (Hirsch, 2012; Guyer, 2012; Sadun Bordoni, 2016; Hinske, 2014). A considerable contribution to this has been made by the recent critical publications of these notes in German (Delfosse, Hinske and Sadun Bordoni, 2010–2014), as well as their translations into other European languages, Italian (Kant, 2016a), Portuguese (Kant, 2010),³ and English (Kant, 2016b). Some fragments have been translated into Russian (Kant, 2016c; Kant, 2016d; Kant, 2017).

These lectures are interesting for several reasons. Delivered in 1784,⁴ they contain fragments that are close in content and sometimes in language to the *Grounding of Metaphysics of Morals*. At the same time some of the ideas that would later be important for Kant’s practical philosophy are considered from a different angle. From that point of view the introduction to these lectures is of particular interest. For example, in it Kant formulates the categorical imperative without any references to the concept of maxim. (Guyer, 2012, p. 113). It also articulates more clearly the proposition that the human being occupies a special place in the system of ends not because of his reason, but thanks to his inherent freedom and, consequently, morality (*V-NR/Feyerabend*, AA 27.2, pp. 1321-1322; Kant, 2016b, pp. 84-85). This

³Forthcoming is the full translation of the Feyerabend Natural Right into Portuguese: *Direito Natural Feyerabend*. Translation: Monique F. Hulshof and Fernando Costa Mattos (Rio de Janeiro: Editora Vozes).

⁴For details on dating see KryshTOP (2016, pp. 68-69).

ких-либо отсылок к понятию максимы (Guyer, 2012, p. 113). Также здесь более четко прописывается, что особое положение человек занимает в системе целей не по причине своего разума, а благодаря присущей ему свободе, а соответственно, и его моральности (AA 27.2, S. 1321–1322; Кант, 2016а, с. 78–79). Только это возвышает его над всеми другими вещами мира и делает его конечной целью, а не лишь средством. Еще одним, не менее важным «открытием» этих лекций является возможность при помощи отсылки к ним однозначно подтвердить, что философия права уже в 1784 г. рассматривалась Кантом как составная часть его философской системы, теснейшим образом связанная с этикой, а вовсе не являлась более поздним поворотом развития его философских идей⁵.

В то же время можно констатировать, что и сегодня эти лекции по-прежнему остаются плохо изученными и таят в себе еще много интересных аспектов, которые пока еще не получили должного освещения. Одним из них может считаться и использование принципов оценки и исполнения (*Principium der Diuidication* и *Principium der Execution*)⁶. Мы встречаемся с их

⁵ Такой позиции придерживался Р. Брандт (Brandt, 1982, S. 235; 2010, S. 127–129). Противоположное мнение см., напр.: (Kuehn, 2010, p. 11).

⁶ В данном случае был выбран один из возможных вариантов написания интересующих нас понятий в записях кантовских лекций и черновых заметках. Этот вариант наиболее узнаваем. В действительности же мы находим, помимо вышеприведенных германизированных вариантов латинских понятий, также и различные версии их написания на латинском языке (*executio*, *diuidicatio*, *dijudicatio*), а также глагольные формы (например, *dijudiciren*). Встречаются у Канта и немецкие аналоги этих понятий: *Beurtheilung* для *executio* и *Ausübung* (реже *Hervorbringung*) для *diuidicatio*. Еще сложнее обстоят дела с поиском подходящего перевода этих понятий на русский язык. Эти понятия именно в качестве терминологической пары употребляются только в лекционных записях и черновых заметках. В настоящий момент у нас имеется перевод некоторых черновых заметок Канта (Кант, 2000а), однако среди них нет тех, которые представляют особый интерес для изучения рассматриваемых понятий. Из всего комплекса имеющихся лекционных записей есть лишь перевод лекций по этике (Кант, 2000б), сделанный с опорой на манускрипты группы Менцера, датируемые серединой 1770-х гг. Другие манускрипты лекций по моральной философии не переведены, также нет перевода на русский язык интересующих

alone puts him above all the other things in the world and makes him an end, and not merely a means. Another equally important “discovery” of these lectures is that they prove beyond any doubt that as early as 1784 Kant saw the philosophy of right as the part of his philosophical system intimately connected with ethics and was not a later turn in the development of his philosophical ideas.⁵

At the same time one can safely say that even today these lectures are little studied and contain many aspects that have not received their due share of attention. One of them is arguably the use of the principles of adjudication and execution (*Principium der Diuidication* and *Principium der Execution*).⁶ They are men-

⁵ This is the position held by Reinhard Brandt (1982, p. 235; 2010, pp. 127-129). For the opposite view see, for example, Manfred Kuehn (2010, p. 11).

⁶ I have chosen one of the possible spellings of the terms in the notes of Kantian lectures and rough notes. This variant is more readily recognisable. In reality we find, in addition to the above cited Germanised versions of the Latin terms also varying Latin spellings (*executio*, *diuidicatio*, *dijudicatio*), as well as verbal forms (e.g. *dijudiciren*). Kant also uses occasional German analogues of these terms: *Beurtheilung* for *executio* and *Ausübung* (less frequently *Hervorbringung*) for *diuidicatio*. Finding Russian translations for these terms is even more of a challenge. These terms are used as a pair only in lecture transcripts and in rough notes. At this time of writing, we have translations of some of Kant’s rough notes (Kant, 2000a), but none that are of particular interest for the study of the corresponding concepts. Of the entire body of lecture notes there are only lectures on ethics (Kant, 2000b) based on the mid-1770s manuscripts of the Menzer group. Other hand-written notes of lectures on moral philosophy have not been translated, nor is there a translation into Russian of the fragments of Natural Right course lecture notes by Feyerabend that interest us here. This gives grounds for claiming that so far there are no established Russian translations of these terms. In proposing the variants “principle of adjudication” and “principle of execution”, I proceeded mainly from the primary meanings of the corresponding Latin words and the German analogues used by Kant. A problem arises with the term “execution” for which Kant uses two different German words, *Ausübung* and *Hervorbringung*. In the event I proceeded from the variant more frequently used by Kant (*Ausübung*), sometimes clearly identified with the Latin *execution* (e.g. *Refl* 6915, AA 19, p. 205). I also kept in mind the verbal forms such as *ausführen* (to fulfil), used by Kant for indirect attributes to this term (e.g. *VATL*, AA 23, p. 382). I was also mind-

упоминанием в качестве двоичной схемы⁷ на страницах «Естественного права Файерабенда» дважды. Оба раза — во введении к первой главе, и весьма примечательные (AA 27.2, S. 1337). Они явно имеют здесь то же самое значение, в котором мы их видим и в лекциях Канта по моральной философии. Однако их применение в кантовском учении о естественном праве, в отличие от моральной философии, на данный момент не удостоилось должного внимания.

В то же время внимание к этой терминологической паре в лекциях по естественному праву может, с одной стороны, раскрыть новые аспекты в их понимании, что добавит еще одну главу

нас фрагментов лекций по естественному праву Файерабенда. В связи с этим можно утверждать, что на русском языке пока нет сформированной традиции перевода данных понятий. Предлагая перевод данных терминов как «принцип оценки» и «принцип исполнения», мы ориентировались прежде всего на первичное значение соответствующих латинских слов, а также используемых самим Кантом их немецких аналогов. При этом определенная сложность здесь возникает с понятием «исполнение», для которого Кант использует два разных немецких слова — *Ausübung* и *Hervorbringung*. В данном случае мы ориентировались все же на тот вариант, который самим Кантом употребляется чаще (*Ausübung*), иногда с явным отождествлением с латинским *execution* (напр., AA 19, S. 205). Во внимание принимались также глагольные формы, такие как глагол *ausführen* («выполнять»), используемые Кантом в непрямых определениях к этому понятию (напр., AA 23, S. 382). Также во внимание принимался перевод А.К. Судакова, предложенный им в «Лекциях по этике» (Кант, 2000б), который в целом, на наш взгляд, является весьма удачным, хотя, как и любой перевод, не лишен недостатков.

⁷Словосочетание «двоичная схема» является в данном случае моим терминологическим изобретением. Под ним я здесь и далее буду подразумевать такое употребление рассматриваемых кантовских понятий, когда оба понятия встречаются одновременно, при этом они явным образом связаны друг с другом так, что составляют некий единый терминологический конструкт. Именно такие случаи употребления данных понятий интересуют нас в нашем рассмотрении. При этом стоит упомянуть, что по отдельности данные понятия также встречаются у Канта, причем как в их латинском варианте написания, так и в немецком варианте перевода (*Beurtheilung* и *Ausübung / Hervorbringung* соответственно). Но в этих случаях они нередко не будут иметь того специфического значения, которое приобретают в терминологической связке «принцип оценки — принцип использования», находящейся в центре нашего внимания в данном исследовании, а будут, напротив, употребляться в обычном их значении.

tioned as a binary scheme twice⁷ in “Feyerabend’s Natural Right”, both in the introduction to chapter one, and both are telling (*V-NR/Feyerabend*, AA 27.2, p. 1337; Kant, 2016b, p. 104). They obviously have the same meanings as we find in Kant’s lectures on moral philosophy. However, the fact that they are used in Kant’s doctrine of natural right, unlike in moral philosophy, has yet to receive its due share of attention.

And yet a closer look at this pair of terms in the lectures on natural right may, on the one hand, open up new aspects in their comprehension, adding another chapter to the history of their use in Kant’s philosophy as a whole. On the other hand, bringing them into the broader context of their use in other parts of the Kantian philosophy may shed additional light on the aspects of Kant’s philosophy of right which they serve to express. Accordingly, I will first analyse the meanings in which they are used in Kant’s moral philosophy, at this point in time the best studied aspects of these concepts. Then I will look at the sources of these meanings in Kant’s lectures on logic. Following this I will consider the use of the terms “adjudication” and “execution” in “Feyerabend’s Natural Right” before drawing conclusions on the meaning and significance of these principles in Kantian practical philosophy.

ful of the translation offered by Andrey K. Sudakov in “Lectures on Ethics” (Kant, 2000b), which is generally apt though not perfect, but that is true of all translations. ⁷The word combination “binary system” is my terminological invention. I will use it to refer to the situations when the two concepts occur simultaneously and are clearly interconnected, such that they form a single terminological construct. These are the uses of the terms that interest me in this study. It has to be noted that Kant sometimes uses them separately in their Latin spelling and in the German version (*Beurtheilung* and *Ausübung / Hervorbringung*). But in such cases they would often lack the special connotation they acquire as a terminological pair “principle of adjudication — principle of execution” which is focal to this study and, on the contrary, would have their common meanings.

в историю их употребления в кантовской философии в целом. С другой стороны, привлечение к их рассмотрению более широкого контекста их использования в других областях кантовской философии поможет лучше понять те аспекты философии права Канта, для выражения которых они служат. Соответственно, в этой статье сначала будут проанализированы те значения, в которых они используются в моральной философии Канта, что на данный момент является наиболее изученным аспектом этих понятий. В дальнейшем будут рассмотрены истоки этих значений, которые мы находим в кантовских лекциях по логике. После этого будет проанализировано употребление принципов оценки и исполнения в «Естественном праве Файерабенда», а также сделаны общие выводы относительно значения и значимости этих принципов в кантовской практической философии.

Принципы оценки и исполнения в моральной философии Канта

Приступая к рассмотрению принципов оценки и исполнения в философии Канта, важно сразу оговориться, что мы не найдем эти понятия в печатных работах. Они встречаются преимущественно в лекционных записях, а также в некоторых черновых заметках. Возможно, именно этим обусловлено явно недостаточное внимание к ним со стороны исследователей кантовской философии. В сравнении со многими другими темами кантовской практической философии мы и сегодня находим не так много отсылок к данным понятиям в зарубежной литературе (Goy, 2007, S. 348; Timmermann, 2007, p. 42, 170; Morrison, 2008, p. 16; Allison, 2013, p. 131 и др.). Исследований же, напрямую посвященных этой терминологической паре, сегодня практически нет⁸. В отечественных же работах даже простое ее упоминание сегодня пока что большая редкость. Другой важной проблемой изучения этой терминологической пары является то, что ее эле-

⁸ Приятным исключением здесь является, пожалуй, недавно опубликованная статья Дж. Уолша (Walsh, 2024).

The Principles of Adjudication and Execution in Kant's Philosophy

Before we go into the discussion of the principles of adjudication and execution in Kant's philosophy a caveat is in order. You will not find these concepts in his printed works. They occur in lecture notes and in some rough drafts. This may be why they have not received enough attention from researches of Kant's philosophy. Compared with many other topics of the Kantian practical philosophy we do not find many references to these concepts in the literature outside Russia (Goy, 2007, p. 348; Timmermann, 2007, p. 42, 170; Morrison, 2008, p. 16; Allison, 2013, p. 131 and others). And studies directly devoted to this pair of terms are all but non-existent.⁸ In the works published in Russia they are hardly ever mentioned. Another major problem in the study of this pair of terms is that they are usually considered in the context of moral philosophy although in fact Kant's use of these terms is not confined to this sphere.

The latter circumstance is easy to explain. These principles are most frequently used in the hand-written summaries of Kant's lectures on moral philosophy and in his rough notes loosely related to this field. The vast majority of such cases probably belong to the pre-critical period. Adjudication and execution are mentioned several times in various sections of Collins' lectures, several times in Powalski's lectures, once in the "Moral Mrongovius II" manuscript and once apiece in the other, less well known and less frequently mentioned manuscripts ("Philosophical Morality" of Dilthey, "Philosophical Morality" of Brandt, and "Practical Philosophy Marburg").

With the exception of the "Moral Mrongovius II" and "Practical Philosophy of Powalski" all the other manuscripts are dated to the mid-

⁸ A welcome exception is the recently published article by John Walsh (2024).

менты рассматриваются преимущественно в контексте моральной философии, хотя по факту кантовское применение этих терминов данной сферой вовсе не ограничивается.

Последнее обстоятельство достаточно легко находит объяснение. Именно в записях лекций Канта по моральной философии и черновых заметках, условно относящихся к этой области, названные принципы упоминаются чаще всего. Подавляющее число этих случаев, по всей видимости, следует датировать докритическим периодом. Несколько раз об оценке и исполнении говорится в разных разделах лекций Коллинса, еще несколько упоминаний мы находим в лекциях Повальски, один раз принципы оценки и исполнения встречаются в манускрипте «Мораль Мронговиус II» и по одному разу — в других, менее известных и цитируемых манускриптах («Философская мораль Дильтея», «Философская мораль Брандта», «Практическая философия Марбург»).

За исключением «Морали Мронговиус II» и «Практической философии Повальски» остальные манускрипты датируются серединой 1770-х гг., чаще всего зимним семестром 1774/75 г. При более расширенной датировке — 1774–1777 гг. Два других манускрипта принято относить к критическому периоду. «Мораль Мронговиус II» датируется 1784/85 г., прежде всего на основе наличия в этих записях фрагментов, касающихся безусловной ценности абсолютно доброй воли, сходных с обсуждениями этого вопроса в «Основоположении к метафизике нравов». Однако некоторые фрагменты данного манускрипта явно имеют более раннее происхождение, перекликаясь с другим манускриптом — «Моралью Мронговиус II» (1774–1777). Датировка «Практической философии Повальски» более сомнительная. Принято относить этот манускрипт к лекционному курсу 1782/83 г. На такой датировке настаивал еще Вильгельм Краус в своей докторской диссертации (Krauß, 1926, S. 80–83). Это заключение делалось на основании особенностей обсуждения доброй воли и трансцендентальной свободы в представленном манускрипте, что должно было свидетельствовать, по мнению Крауса, о том, что данный курс должен был

1770s, most frequently to the winter semester of 1774/75 and more broadly to 1774–1777. Two other manuscripts are commonly dated to the critical period. “Moral Mrongovius II” is dated to 1784/85, chiefly because these notes have fragments dealing with the unconditional value of the absolutely good will, similar to the way the issue is discussed in the *Groundwork for the Metaphysics of Morals*. However, some fragments of this manuscript clearly belong to an earlier period, echoing as they do the other manuscript, “Moral Mrongovius” (1774–1777). The dating of the “Practical Philosophy of Powalski” is less certain. It is usually dated to the lecture course of 1782/83, the date insisted on by Wilhelm Krauß (1926, pp. 80-83) in his doctoral dissertation. This conclusion was prompted by the peculiarities of the discussion of good will and transcendental freedom in the manuscript, which in Krauß’s opinion, proved that the courses must have been delivered after the first publication of the *Critique of Pure Reason* but before the *Groundwork* was completed. On the other hand, the German scholar Clemens Schwaiger recently questioned this dating, suggesting that the manuscript may have been a compilation of notes made in various years and was most probably written by Powalski himself (who may never have attended Kant’s lectures on moral philosophy). The manuscript was probably based on the notes of other students taken earlier. On the strength of all that, Schwaiger (1999, pp. 149-151) is inclined to date the lectures to the period of “the Menzer-group” (1774–1777 again) and not to the early 1780s.

Rough notes are even more difficult to date. Today they are commonly quoted from the academic edition which uses dating on the basis of Adickes chronology. But the latter is not universally accepted⁹ and sometimes leads to

⁹ Already in the nineteenth century there existed an alternative chronology of B. Erdmann (1882–1884).

читаться уже после первого издания «Критики чистого разума», но все же еще до завершения работы над «Основоположением». С другой стороны, немецкий исследователь К. Швайгер не так давно высказал обоснованные сомнения в правильности такой датировки, предположив, что данный манускрипт мог представлять собой компиляцию записей разных лет и, вероятнее всего, не был составлен самим Повальски (который, возможно, и вовсе не посещал кантовские лекции по моральной философии). Вероятно, за основу были взяты записи других студентов, составленные ранее. В итоге данные лекции Швайгер склонен относить скорее к периоду лекций так называемой «Менцер-группы» (все те же 1774–1777 гг.), а не к началу 1780-х гг. (Schwaiger, 1999, S. 149–151).

Еще сложнее датировать черновые заметки. Сегодня их принято цитировать по академическому изданию, предлагающему датировку на основе хронологии Э. Адикеса. Однако этот вариант не является общепринятым⁹ и в отдельных случаях вызывает обоснованные сомнения, а иногда и оживленные дискуссии¹⁰. Изначально данная хронология базировалась на выделении 33 почерковых фаз (Adickes, 1925)¹¹ и учитывала место той или иной записи на страницах манускриптов (Ibid., S. XXX). Но даже если принимать ее за основу, чаще всего эта датировка предлагает несколько почерковых фаз на выбор, иногда с разбросом в десятилетие. С таким же отсутствием однозначности мы сталкиваемся и в случае интересующих нас черновых заметок по моральной философии. Однако, так или иначе, все они датируются докритическим периодом — начиная с конца 1769 и до 1778–1779 гг.

Такая концентрация случаев использования понятий «принцип оценки» и «принцип исполнения» в лекциях по моральной философии

⁹ Уже в XIX в. существовала альтернативная хронология Б. Эрдманна (Erdmann, 1882–1884).

¹⁰ Одна из таких наиболее известных дискуссий разгорелась во второй половине 1970-х гг. между Й. Шмюккером и Н. Хинске по поводу датировки черновой заметки 3716 (Schmucker, 1976; Hinske, 1977).

¹¹ Список почерковых фаз в русскоязычной литературе можно найти в (Кант, 2000а, с. 685).

justified doubts and occasionally to lively discussions.¹⁰ Initially this chronology was based on 33 handwriting phases (Adickes, 1925)¹¹ and took into account the place of an entry in the pages of the manuscripts (*ibid.*, p. XXX). Yet even if one proceeds on that basis, such dating offers several handwriting phases to choose from, sometimes with a spread of ten years. We face similar uncertainty in the case of the rough notes on moral philosophy. Be that as it may, they are all dated to the pre-critical period, from late 1769 to 1778–1779.

Such concentration of the uses of the concepts of “the principle of adjudication” and “the principle of execution” in the lectures on moral philosophy of the pre-critical period enabled Manfred Kühn (2004, p. IX) to describe them as “opportunities which woefully have not been realised”.¹² Both concepts are used here by Kant in conjunction with the concept of moral duty (*V-Mo/Collins*, AA 27.1, p. 274; Kant, 1997, pp. 65-66; cf. *V-Mo/Mron*, AA. 27.2, p. 1422). Depending on which principle we have in mind, we may define the highest principle of morality differently. The separation of the principles of adjudication and execution in the 1770s lectures on moral philosophy performs the function of separating the intellectual and sensible spheres. Not surprisingly, in the pre-critical period Kant does it in a somewhat different form than he would do it later in the *Grounding* and in the second *Critique*. Even so, it cannot be considered to be a fundamentally different version.

The principle of adjudication can be only intellectual. Practical law is objective, defining how people should act and not how they would like to act. Such a principle cannot be based on

¹⁰ One of the better known discussions flared up in the second half of the 1970s between Josef Schmucker (1976) and Norbert Hinske (1977) over the dating of note 3716.

¹¹ A list of handwriting phases in Russian-language literature can be found in Kant (2000a, p. 685).

¹² Cf. “[...] Möglichkeiten, die bedauerlicherweise unrealisiert geblieben sind.”

фии докритического периода дала возможность М. Кюну охарактеризовать их как возможности, «которые досадным образом остались не реализованными» (Kühn, 2004, S. IX). Оба этих понятия используются здесь Кантом в тесной взаимосвязи с представлениями о моральном обязательстве (AA 27.1, S. 274)¹². В зависимости от того, какой из этих двух принципов мы имеем в виду, мы по-разному можем определять высший принцип моральности. Такое разведение принципов оценки и исполнения в лекциях по моральной философии 1770-х гг. выполняет функцию разграничения сферы интеллектуальной и чувственной. Неудивительно, что в докритический период это делается Кантом в несколько иной форме, чем впоследствии в «Основоположении» и второй «Критике». Тем не менее это вряд ли можно считать принципиально иным вариантом.

Принцип оценки может быть только интеллектуальным. Практический закон представляется как объективный, определяющий, как человек должен поступать, а не как он хотел бы поступить. Такой принцип не может основываться на чувственности, так как наши чувства имеют дело с удовольствием и неудовольствием, которые могут переживаться по-разному разными людьми и не могут быть сообщаемы. Таким образом, если бы моральный принцип основывался на чувственности, он не мог бы быть всеобщим, каковым он должен быть. Следовательно, принцип моральности может основываться только на принципах рассудка (AA 27.1, S. 274–276)¹³. Отсюда следует также, что моральный принцип независим от всяческих чувственных склонностей, а значит, не может основываться на прагматических законах, всегда направленных на удовлетворение какой-либо склонности. Еще одним важным следствием является то, что принцип моральности не

¹² Ср.: (AA. 27.2, S. 1422). Перевод сходных фрагментов можно найти в (Кант, 2000б, с. 62).

¹³ Здесь Кант еще не проводит столь четкого разделения разума и рассудка, каковое мы видим в его печатных работах критического периода (Kühn, 2004, S. X). Ср.: (AA 27.2, S. 1423–1424). Перевод сходных фрагментов можно найти в (Кант, 2000б, с. 63).

sensibility because our feelings have to do with pleasure or displeasure which are experienced differently by different people and cannot be communicated. Thus, if the moral principle were based on sensibility it could not be universal, as it should be. Hence the principle of morality can only be based on the principles of reason (*V-Mo/Collins*, AA 27.1, pp. 274-276; Kant, 1997, p. 66-67).¹³ It follows from this that the moral principle is independent of any sensible inclinations, hence cannot be based on pragmatic laws which are always aimed at satisfying some inclination. Another important consequence is that the principle of morality cannot be grounded in anything external, any third person's will, including divine will (*V-Mo/Collins*, AA 27.1, pp. 276-277; Kant, 1997, pp. 67-68; cf. *V-Mo/Mron*, AA 27.2, p. 1424). This is how the moral first principle looks if we approach it from the position of adjudication. It will readily be seen that it is not fundamentally different from the way Kant would describe the autonomy of the will and moral law, though using a somewhat different terminology.

Things become more complicated when we pass on to the principle of execution. Here Kant says confidently that while no third being is needed for adjudication of moral duty, it is needed for executing the moral law. The third being is God: "All moral laws can be correct without such a being. But in execution they would be empty if no third being could constrain us to them. It has therefore been rightly perceived that without a supreme judge all moral laws would be without effect, since in that case there would be no inner motive, no reward and no punishment. Hence the knowledge of God is needed in the execution of moral laws" (*V-Mo/Collins*, AA 27.1, pp. 277-278; Kant, 1997, p. 68; cf. *V-Mo/Mron*, AA 27.2, p. 1425).

¹³ Here Kant does not yet make a sharp distinction between reason and understanding which we see in his published works of the critical period (Kühn, 2004, p. X). Cf. *V-Mo/Mron*, AA 27.2, pp. 1423-1424.

может иметь своим основанием ничто внешнее, никакую волю третьего лица, в том числе и божественную волю (AA 27.1, S. 276–277)¹⁴. Так выглядит характеристика морального первопринципа, если мы подходим к нему с позиции принципа оценки. И несложно заметить, что здесь мы не видим никаких принципиальных различий по сравнению с тем, что в дальнейшем Кант будет говорить об автономии воли и моральном законе, используя, правда, уже несколько иную терминологию.

Картина усложняется, когда мы переходим к рассмотрению принципа исполнения. Здесь Кант прямо утверждает, что если для оценки морального обязательства не нужно никакое третье лицо, то для исполнения морального закона оно необходимо. И им будет Бог: «Все моральные законы могут быть правильны без третьего существа. Но при исполнении эти законы были бы пусты, не понуждай нас к тому какое-то третье существо. Стало быть, справедливо постигали, что без верховного судии все моральные законы были бы без результата, тогда не было бы ни внутреннего мотива, ни награды, ни наказания. Познание Бога, следовательно, необходимо в исполнении моральных законов» (AA 27.1, S. 277–278)¹⁵.

Таким образом, мы не нуждаемся в идее Бога для того, чтобы обосновать моральный закон. И так как моральный закон не производится от Бога, мы не нуждаемся в идее Бога и для того, чтобы знать, как мы должны поступать (принцип оценки). Эти моральные обязательства существуют сами по себе и повелевают также абсолютно независимо от наших представлений о Боге. Но мы нуждаемся в Боге для воплощения этого морального должествования в жизнь (принцип исполнения). В конечном итоге здесь мы сталкиваемся с проблемой мотивации. Что морально, а что нет, мы знаем из объективно и независимо от чьей-либо воли существующего морального закона, познава-

Thus, we do not need the idea of God to ground the moral law. Since moral law is not derived from God, we do not need the idea of God to know how we should act (the principle of adjudication). These moral duties exist by themselves and also command us absolutely, independently of our notions of God. But we need God to fulfil this moral obligation (the principle of execution). This brings us to the problem of motivation. We know what is and what is not moral from the moral law that exists objectively, independently of anybody's will which we cognise with our reason. This cognition is the ground for judging the acts we are to perform. But what can (or must) induce us to prefer moral behaviour to immoral behaviour?

For Kant, the question was so important for moral philosophy that he called it "the philosopher's stone" (*V-Mo/Mron*, AA 27.2, p. 1428).¹⁴ He tries to resolve it by setting apart the objective and subjective moral principles, the objective one being the principle of adjudication and the subjective one the principle of execution. Understanding (reason) is sufficient for the former, but not for the latter. The objective principle is the moral law itself, the subjective principle, or the motive of action, is the moral feeling which is the capacity to be affected by moral judgment. Kant holds that judgment of reason is capable of inducing or restraining an act. Reason accepts that which agrees with its rules and rejects that which runs counter to them. Yet, though reason can influence our sensibility, inducing us to act in accordance with the moral law, "something like that is impossible to do. Man is not endowed with such fine organisation as to be induced to act by objective causes — there is no spring leading from nature that could be wound to have this do-

¹⁴ Ср.: (AA 27.2, S. 1424). Перевод сходных фрагментов можно найти в (Кант, 2000б, с. 64).

¹⁵ Ср.: (AA 27.2, S. 1425). Перевод сходных фрагментов можно найти в (Кант, 2000б, с. 65).

¹⁴ Many scholars outside Russia, too, agree that motivation is one of the key problems in Kant's moral philosophy (Schmucker, 1961; Schmitz, 1989, p. 85; Düsing, 1971, p. 11 *et al.*).

емого нами разумом (рассудком). Именно это познание оказывается основанием оценки поступков, которые мы должны совершить. Но что может (или должно) побудить нас предпочесть моральное поведение неморальному?

Этот вопрос представлялся Канту столь важным для моральной философии, что он называл его «философским камнем» (AA 27.2, S. 1428)¹⁶. При этом он пытается разрешить его путем разведения объективного и субъективного принципа моральности. Объективным оказывается принцип оценки, субъективным — принцип исполнения. Для первого нам достаточно одного лишь рассудка (разума), для второго — нет. Объективным принципом является сам моральный закон, субъективным принципом, или мотивом действия, — моральное чувство, которое представляет собой способность аффицироваться моральным суждением. По Канту, само суждение рассудка способно побуждать к совершению поступка или удерживать от него. Рассудок воспринимает то, что согласно с его правилами, и противится тому, что идет с ними вразрез. Но, несмотря на наличие у рассудка способности влиять на нашу чувственность, побуждая нас к сообразным с моральным законом действиям, все же «нечто подобное совершенно невозможно произвести. Человек не наделен столь тонкой организацией, чтобы его побуждали объективные основания — от природы нет никакой пружины, которую можно было бы завести, чтобы такое совершить» (AA 27.2, S. 1429)¹⁷. Человеку остается кропотливая работа над собой путем постепенного воспитания. Посредством подражания высоконравственным образцам и частого повторения он может выработать в себе определенную привычку (*habitus*). Но, как бы то ни было, даже такой благородной привычки чаще всего для людей в силу особенностей их природы оказывается недостаточно. Тогда че-

¹⁶С тем, что проблема мотивации является одной из ключевых проблем моральной философии Канта, согласны и многие зарубежные исследователи (Schmucker, 1961; Schmitz, 1989, S. 85; Düsing, 1971, S. 11 и др.).

¹⁷Перевод сходных фрагментов можно найти в (Кант, 2000б, с. 69).

не"¹⁵ (*V-Mo/Mron*, AA 27.2, p. 1429). What remains for the human being is painstaking work of self-education. By imitating high moral examples and frequent repetition the human being can develop a certain habit (*habitus*). However, even such a noble habit is often not enough for humans because of their nature. Then the idea of the supreme judge who dispenses rewards and punishment strictly on merit comes to the rescue.

For lack of space I cannot go into the details of the similarities and differences which this 1770s version contains compared with Kant's ethical system of the critical period. Let us merely note that it already displays all the main elements. Kant is already faced with the problem of explaining the possibility of reason influencing sensibility. He tries to resolve it by introducing a special kind of feeling, the moral feeling, which of its very nature would be intellectual (being generated by reason), but would be capable of influencing sensibility (being at the same time a feeling). Such a mediator would later win respect for the moral law which ideally should be sufficient to generate the will to act morally, but in fact man needs additional "stimuli" in the shape of the postulated existence of God and the immortality of the soul.

It would be interesting to look at the principle of execution mentioned in the "Moral Mrongovius II", definitely dated to the mid-1780s, shortly before the publication of the *Grounding*. Here we no longer find a clear-cut binary scheme separating the principles of adjudication and execution. However, in attempting to determine the supreme moral principle, Kant discusses various previous attempts, includ-

¹⁵ Cf. "Es läßt sich so etwas überhaupt nicht hervorbringen, der Mensch hat nicht solche geheime Organisation, durch Obiective Gründe bewogen zu werden. Allein wir können doch einen habitus hervorbringen, der nicht natürlich ist, doch aber die Natur vertritt, die durch die Nachahmung und öftere Ausübung zum habitus wird."

ловеку и помогают представления о верховном судье, распределяющем награды и наказания строго в соответствии с заслугами каждого.

В данном случае у нас нет возможности вдаваться в подробный анализ сходств и различий данного варианта 1770-х гг. с последующей кантовской этической системой критического периода. Отметим лишь, что все основные моменты здесь уже прослеживаются. Перед Кантом уже стоит проблема объяснить возможность влияния разума на чувственность. И он пытается разрешить ее путем введения некоего особого чувства — морального чувства, которое по своей природе будет интеллектуальным (так как порождается рассудком), но при этом будет способно как-то влиять на чувственность (ибо оно все же чувство). Именно таким посредником в дальнейшем и становится уважение к моральному закону, которого в идеале должно быть достаточно для определения воли к нравственному поступку, однако по факту для человека оказываются нужны еще и дополнительные «стимулы» в виде постулатов бытия Бога и бессмертия души.

Интересно в связи с этим обратиться к упоминанию принципа исполнения, которое мы находим в лекциях «Мораль Мронговиус II», однозначно датируемых уже серединой 1780-х гг., незадолго до выхода в свет «Основоположения». В данном случае мы уже не видим стройной двоичной схемы разделения принципов оценки и исполнения. Однако при попытках определить верховный принцип моральности Кант обсуждает различные предшествующие попытки, в том числе и обоснование принципа моральности на моральном чувстве. Здесь уже однозначно утверждается, что это невозможно. Но при этом присутствует оговорка, что «моральное чувство принадлежит не законодательству, но является фундаментом исполнения закона; но оно не может быть критерием доброго» (AA 29, S. 626). С одной стороны, в этом без труда угадываются рудименты прежней двоичной схемы, с другой — в целом это описание уже гораздо ближе «Основоположению» и второй «Критике», в силу чего вполне может рассматриваться в качестве переходного варианта.

ing the grounding of morality on moral feeling. Here he pronounces this to be impossible. But he makes the following reservation: “Moral feeling does not pertain to the giving of laws, but is the basis for their execution; a criterion for the good it cannot, however, be” (*V-Mo/Mron II*, AA 29, p. 626; Kant, 1997, p. 244). On the one hand, there are obvious vestiges of the former binary system but, on the other hand, the description is much closer to the *Grounding* and the second *Critique*, which warrants considering it to be a transitional variant.

Summing up, I would like to highlight two different, but interconnected aspects of the principles of adjudication and execution presented in Kant’s lectures on moral philosophy. They are repeated in the rough notes for the lectures, and in an overwhelming number of cases they attract the attention of scholars. First, the principle of adjudication is objective and the principle of execution is subjective. Second, in the former case no third will is needed since it is about cognising what can be done, and in the latter case a third (divine) will is needed to help the person to do what ought to be done.

However, in the pre-critical period the principles of adjudication and execution performed one more function: they served to separate the theoretical and practical spheres. This is most salient in Reflexion 6608: “A practical teaching, if it contains not only idle knowledge, but also means of executing it. Thus logic [above all morality itself] is for the most part rendered practically. Practical philosophy is about *praxis*, often seems *otiosa*, and a means of adjudication, not execution”¹⁶ (*Refl*, AA 19, p. 107).¹⁷

¹⁶ “Eine Lehre ist practisch, wenn sie nicht blos müßige Erkenntnisse enthält, sondern auch ein Mittel der execution derselben ist. Auf solche Weise wird die [moral selbst vornemlich] logic zumeist practisch vorgetragen [vornemlich]. Die practische philosophie ist eine philosophie über die praxis, scheint ofters otiosa, und ein Mittel der diiudication, nicht der execution.”

¹⁷ Cf. *Refl* 434, AA 15, p. 179; *Refl* 6612, AA 19, p. 110; *Refl* 6915, AA 19, p. 205; *V-Mo/Collins*, AA 27.1, p. 363; Kant, 1997, p. 139-140; *V-Mo/Powalski*, 27.1, p. 97.

Подводя итог представленному рассмотрению, хотелось бы четко выделить два разных, но связанных друг с другом аспекта принципов оценки и исполнения, представленных в лекциях Канта по моральной философии. Они же повторяются и в черновых заметках. И именно на них в подавляющем большинстве случаев останавливается внимание исследователей. Во-первых, принцип оценки является объективным, принцип исполнения — субъективным. Во-вторых, в первом случае не требуется никакая третья воля, так как речь идет о познании того, что должно быть совершено, во втором — необходима третья воля (божественная), чтобы помочь человеку захотеть претворить в жизнь то, что должно.

Однако принципы оценки и исполнения выполняли в докритический период еще одну функцию — они служили разведению сфер теоретического и практического. Наиболее явно это определяется в рефлексии 6608: «Учение практическое, если оно содержит не одни только праздные познания, но также средство их исполнения. Таким образом, логика [сама мораль прежде всего] по большей части излагается практически. Практическая философия — это философия о *praxis*, кажется часто *otiosa* и средством оценки, не исполнения» (AA 19, S. 107)¹⁸.

На первый взгляд это может даже не броситься в глаза, так как в целом разделение сочинений по моральной философии на две части — теоретическую (представляющую перечень основных понятий и положений) и практическую (обсуждающую конкретные принципы претворения этого в жизнь) — не было редкостью для философских и теологических трактатов немецкого Просвещения (особенно раннего). Например, именно по этой схеме выстраиваются многие сочинения по морали и праву Хр. Томазия и Хр. Вольфа, сочинения по моральной теологии Хр. А. Крузия. Кроме того, и само разделение философии на теоретическую и практическую, сегодня нередко ассоциируемое именно с Кантом, также никак не

It might not leap out at you at first glance because the division of works on moral philosophy into the theoretical part (a list of the main concepts and provisions) and practical part (discussing specific principles of implementing them) was not uncommon in philosophical and theological treatises during the German (especially early) Enlightenment. This is the underlying structure of many works on morality and right by Christian Tomasius and Christian Wolff, and the works of Christian August Crusius on moral theology. Besides, the division of philosophy into theoretical and practical, today often associated with Kant, was not introduced by Kant. In an interpretation similar to Kant's it is already present in the Wolffian tradition, including in the works of Wolff himself, who is by rights the founder of practical philosophy (Schwaiger, 2005). Nevertheless the above-quoted clarification by Kant is very important, partly because along with other notes and manuscripts of lectures on ethics (*V-Mo/Collins*, AA 27.1, p. 363; Kant, 1997, pp. 139-140; *V-Mo/Powalski*, AA 27.1, p. 97; *V-Lo/Blomberg*, AA 24.1, p. 26; Kant, 1992, p. 13; *Refl* 434, AA 15, p. 179), it brings out the parallel between morality and logic. It points to Kant's lectures on logic as a possible source of the terminological pair "principle of adjudication" — "principle of execution", which, however, would eventually take us back to the Wolffian school.

The Principles of Adjudication and Execution in Kant's Lectures on Logic

To the best of my knowledge the suggestion that Kant transferred to moral philosophy the principles of adjudication and execution from logic was first made by the German Kant scholar Clemens Schwaiger (1999, pp. 94-95). At the turn of this century he lamented the fact that

¹⁸Ср.: (AA 15, S. 179; AA 19, S. 110; AA 19, S. 205; AA 27.1, S. 363; AA 27.1, S. 97).

может рассматриваться как кантовское нововведение. Оно, в сходном с кантовским пониманием виде, присутствует уже в вольфианской традиции, в том числе и у самого Вольфа, которого по праву можно считать основателем практической философии (Schwaiger, 2005). Тем не менее приведенное Кантом выше пояснение крайне важно, в том числе и потому, что позволяет, наряду с некоторыми другими черновыми заметками и манускриптами лекций по этике (AA 27.1, S. 363; AA 27.1, S. 97; AA 24.1, S. 26; AA 15, S. 179), увидеть явную параллель, проводимую в данном отношении между моралью и логикой. Это отсылает нас к кантовским лекциям по логике как возможному источнику появления рассматриваемой терминологической пары «принцип оценки — принцип исполнения», что, впрочем, снова приведет нас в конечном итоге к вольфианской школе.

Принципы оценки и исполнения в лекциях Канта по логике

Насколько мы можем судить, первым предположение о том, что Кант перенес в моральную философию принципы оценки и исполнения из логики, высказал в конце прошлого века немецкий кантовед К. Швайгер (Schwaiger, 1999, S. 94–95). Тогда же он сетовал на то, что источники этой кантовской терминологической пары совсем плохо исследованы (Ibid., S. 93). К сожалению, можно констатировать, что с тех пор, за уже прошедшую четверть столетия мы так и не наблюдаем каких-либо радикальных изменений в этом отношении. Даже вышедшая совсем недавно статья Уолша, посвященная именно принципам оценки и исполнения, снова концентрируется исключительно на сфере их употребления в моральной философии и не рассматривает случаи их упоминания в других сферах (Walsh, 2024)¹⁹. Наше исследование не претендует на то, чтобы представить подробный и исчерпывающий обзор источников формирования кантов-

the sources of this Kantian pair of terms have been little studied (*ibid.*, p. 93). Sadly, almost a quarter of a century later, no radical change in this situation has occurred. Even the recent article by Walsh (2024) devoted to the principles of adjudication and execution is again concentrated only on their use in moral philosophy and ignores their use in other spheres.¹⁸ This article does not claim to present a detailed and exhaustive review of the sources of the Kantian pair of the principles of adjudication and execution, but I will attempt to take a step in that direction.

In the manuscripts of lectures on logic the principles of adjudication and execution are mentioned as early as the beginning of the 1770s. The most succinct account of this is to be found in the “Blomberg’s Logic” manuscript dated 1771. That date was first proposed as early as the beginning of the twentieth century by Otto Schlapp (1901, p. 27, 33). It was later repeated by Leman in an academic publication which lent it extra weight. Subsequently attempts were made to provide a more detailed grounding, but the majority of scholars even today are inclined to date the manuscript to the early 1770s (Young, 1992, pp. XXIV-XXV).

In “Blomberg’s Logic” we find the following:

We can have a theoretical [and] also a practical logic and morals. Disciplines are practical when their effects are practical. Logic is not merely a critique, it is an actual doctrine, which can be proved. Its rules are taken *in abstracto* and proved. Not every doctrine is practical, however [;] it can be a pure theory. Now if logic is a mere theory of the conditions under which a cognition is perfect according to laws of the understanding and of reason, then it is not a means of *execution* – it would be a *theory* but not an *organon* (V-Lo/Blomberg, AA 24.1, p. 26; Kant, 1992, p. 13).

¹⁹ Лекции по естественному праву Файерабенда упоминаются в этой статье единожды в другом контексте.

¹⁸ Feyerabend’s lectures on natural right are mentioned in this article once in a different context.

ской пары принципов оценки и исполнения, однако мы попробуем немного продвинуться вперед в этом направлении.

В лекционных записях по логике принципы оценки и исполнения упоминаются еще в начале 1770-х гг. Наиболее отчетливо речь о них идет в манускрипте «Логика Бломберга», датированном 1771 г. Эта датировка впервые была предложена еще в начале XX в. О. Шлапфом (Schlapp, 1901, S. 27, 33). Впоследствии она была повторена Леманом в рамках академического издания, что придало ей дополнительный вес. В дальнейшем были предприняты попытки ее более детального обоснования, но большинство исследователей и сегодня склоняются к тому, что этот манускрипт стоит датировать самым началом 1770-х гг. (Young, 1992, p. XXIV–XXV).

В «Логике Бломберга» мы читаем:

У нас может быть теоретическая, а также практическая логика и мораль. Практически-ми являются дисциплины, если их действия практические. Логика — это не одна только критика, она действительная доктрина, которая может быть доказана, ее правила берутся in Abstracto и доказываются. Но не любая доктрина всегда будет практической, она может быть чистой теорией. Если же логика — одна только теория о тех условиях, при которых познание совершенно, согласно законам рассудка и разума, то она не является средством исполнения; она была бы теорией, но не органом (AA 24.1, S. 26).

Сходное пояснение мы находим в черновой заметке 1579:

Она [логика] является теоретической или практической. Первая содержит правила оценки и предписывает условия совершенного познания. (Вторая содержит правила исполнения и предписывает средства его достичь. Она частично общая: диалектика, частично органон). (Вторая не может быть изучена; ибо для применения правил не требуется снова же правила, а требуется здравый рассудок. Но можно учитывать субъективные условия in concreto и узнать как инструмент исполнения [executio], так и препятствия) (AA 16, S. 22).

A similar explication is found in the note 1579:

It [logic] can be theoretical or practical. The former contains rules of adjudication and prescribes the conditions of perfect cognition. (The latter contains rules of execution and prescribes the means of achieving it. It is partly general: dialectics, and partly an organon.) (The latter can be studied; for the application of rules does not require more rules, but common understanding. But one can take into account subjective conditions in concreto and get to know both the instrument of execution [executio] and the obstacles)¹⁹ (Refl, AA 16, p. 22).

There are similar fragments in the later lecture manuscripts dating from the early 1780s (“Warsaw Logic”, “Poelitz Logic”) (Schwaiger, 1999, p. 95). Subsequently, though, they stop being mentioned, which is a consequence of a serious change. In all the above quotations the principle of execution (and accordingly the practical part of logic) is associated with the *organon*. The word is also present in later logic lecture courses, but in a different meaning and with a different assessment. This “new” meaning is reflected in the *Critique of Pure Reason* where the canon is identified with analytics and the *organon* with dialectics. Logic here is understood as a science called upon to regard cognition strictly in accordance with the laws of thinking. Compliance with formal laws is a negative condition of truth, i.e. a necessary but not a sufficient condition. If logic is used only as an instrument of assessing our knowledge, it

¹⁹ Cf. “*Sie ist theoretisch oder practisch. Jene enthält Regeln der diiudication und schreibt die conditionen einer vollkommenen Erkenntnis vor. Diese enthält Regeln der execution und schreibt die Mittel vor, diese zu erreichen.*”

(s *Diese ist theils die Allgemeine: dialectic, theils das organon.*)

(s *Diese kan nicht gelehrt werden; denn es wird zur application der regeln nicht wieder eine Regel, sondern gesunder Verstand erfordert. Aber man kan die subiective Bedingungen in concreto erwägen und so wohl das instrument der execution als die Hindernisse kennen lernen.*)”

Сходные фрагменты имеются и в более поздних записях лекций, датированных началом 1780-х гг. («Варшавская логика», «Логика Пёлицца») (Schwaiger, 1999, S. 95). Однако впоследствии они перестают упоминаться, что связано с другим достаточно важным изменением. Во всех приведенных выше цитатах принцип исполнения (а соответственно, и практическая часть логики) связывался с органомом. В лекционных курсах по логике, датированных более поздним периодом, это слово также присутствует, но уже в ином значении и с другой оценкой. Это «новое» значение находит свое отражение и в «Критике чистого разума», где канон отождествляется с аналитикой, а органон — с диалектикой. Логика здесь понимается как наука, которая призвана рассматривать познание строго в соответствии с законами мышления. При этом соответствие знания формальным законам предстает как негативное условие истины, то есть как условие необходимое, но само по себе недостаточное. Если логика используется только как инструмент оценки нашего знания, в таком случае она является лишь каноном для оценки и называется аналитикой или логикой истины. Однако если логика используется как органон для действительного создания объективных утверждений, то такое применение логики Кант называет диалектикой и логикой видимости (B 80–86 / A 56–61, AA 03, S. 77–81; Кант, 2006, с. 143–151). Подобное понимание аналитики и диалектики, канона и органона мы находим и в манускрипте «Венской логики», а также в ряде других лекций этого периода (Крыштоп, 2022).

В данной связи можно отметить, что некоторые моменты все же остаются неизменными. Так, использование логики как канона по-прежнему связывается с оценкой. Но еще более отчетливо проявляются изменения, касающиеся как раз второй части этой изначальной диады. Использование логики как органона не просто не приветствуется, но и подвергается критике как некорректное. Правда, за логикой все же остается некоторая возможность «практического расширения», однако в начале 1780-х гг. Кант называет это «учением о методе» и «техни-

is merely a canon for assessing and is called analytic or logic of the truth. However, if logic is used as an *organon* to create real objective judgments Kant calls such use of logic dialectics and the logic of appearance (*KrV*, B 80-86 / A 56-61; Kant, 1998, pp. 196-199). We find such understanding of analytics and dialectics, canon and organon in the manuscript of the “Vienna Logic” as well as in some other lectures of that period (KryshTOP, 2022).

In this connection it is worth mentioning that some things still remain unchanged. Thus, the use of logic as a canon is still associated with assessment. But the changes that stand out in higher relief have to do with the second part of the initial diad. The use of logic as an *organon* is not just unwelcome, but is criticised as incorrect. True, logic is still thought to be capable of “practical expansion”, but in the early 1780s Kant calls it “the teaching on method” and “technical” logic: “The teaching on method is the logic of the form of the system of cognition. One can develop a special teaching on the method of this or that science. It is thus a technical logic, or *organon*. The *organon* can take place only at the end of science because then I would know the nature of that science”²⁰ (*V-Lo/Wiener*, AA 24.2, p. 795). Angelina S. Bobrova believes that this may not be about a substantive revision of the role of practical logic. In her opinion “the Königsberg philosopher does not so much deny the possibility of practical logic as an attempt to reinterpret its content. What is practical is not the argumentation skills in the broad sense, but the ability to use them in the process of discovering new knowledge” (Bobrova, 2022, p. 176). In my opinion, the change here is much deeper than it appears at first

²⁰ “Die Methodenlehre ist die Logic von der Form eines Systemes der Erkenntniße. Man kann eine besondere Methodenlehre zu ein oder der andern Wissenschaft entwerfen. Und dieses ist denn die technische Logic, oder das Organon. Dieses Organon kann nur am Ende einer Wissenschaft vorkommen, weil ich dann erst die Natur der Wissenschaft kenne.”

ческой» логикой: «Учение о методе есть логика формы системы познания. Можно разработать специальное учение о методе для той или иной науки. И это, таким образом, есть техническая логика, или органон. Этот органон может иметь место лишь в конце науки, поскольку я тогда сначала узнаю природу этой науки» (AA 24.2, S. 795; Кант, 2022, с. 201). А. С. Боброва высказывает мнение, что в данном случае речь не идет о сущностном пересмотре роли практической логики. По ее мнению, «кёнигсбергский философ не столько отрицает возможность практической логики, сколько пытается переосмыслить ее содержание. Практическими оказываются не навыки аргументации в широком смысле, а способность их использования в процедуре открытия новых знаний» (Боброва, 2022, с. 176). Однако, на наш взгляд изменение здесь гораздо более глубокое, чем может поначалу показаться; оно отсылает нас к самой архитектонике кантовской системы критической философии.

В конечном итоге мы имеем дело не только с изменением терминов и сокращением объема того, что ранее представляла собой «практическая логика» (и что теперь стало называться «учением о методе»). Речь идет о частичном пересмотре практического. Ранее Кант был склонен проводить две разные дихотомии: теоретического и практического, с одной стороны, и спекулятивного и прагматического — с другой. Наиболее отчетливо это проявляется в черновой заметке 2801 (AA 16, S. 519). В данном случае теоретическое / практическое понимается Кантом так же, как впоследствии будет определяться в «Критике чистого разума» и других работах критического периода. Прагматическое же, которое противопоставляется скептическому, но не теоретическому, оказывается рассмотрением того, как общие нормы, данные в теоретической части науки, могут быть применены в конкретных условиях. При этом сам Кант не всегда был последователен в разведении этих двух классификаций, употребляя порой синонимично «теоретическое» и «скептическое», а также называя «прагматическое» «практическим», отражение чего мы

sight; it makes us think about the architectonics of the Kantian system of critical philosophy.

At the end of the day we are looking not only at a change of terms and down-sizing of what used to be “practical logic” (and is now called “the teaching on method”). We are looking at a partial revision of the practical. Previously Kant leaned towards two dichotomies: the theoretical and practical on one side and the speculative and pragmatic on the other. This is most clearly manifested in the note 2801 (*Refl*, AA 16, p. 519). In this case Kant understands the theoretical/practical in the same way as he would later determine in the *Critique of Pure Reason* and other works of the critical period. The pragmatic, which is juxtaposed to the sceptical but not to the theoretical, deals with the question how the general norms given in the theoretical part of science can be applied in concrete conditions. It has to be noted that Kant was not always consistent in distinguishing these two classifications, sometimes using “theoretical” and “sceptical” as synonyms, and calling the “pragmatic” “practical”, something that is reflected in the notes of the lecture courses. Nevertheless he consistently distinguished these different aspects as two sides of the practical and theoretical.

Later, in the critical period, the first dichotomy between the theoretical and practical would come to the fore. Thus we read in the first *Critique*: “Here I content myself with defining theoretical cognition as that through which I cognise what exists, and practical cognition as that through which I represent what ought to exist” (B 661 / A 633; Kant, 1998, p. 585).²¹ This is directly linked only with the first interpretation of the theoretical and practical. The second one, speculative (theoretical) versus pragmatic (practical) recedes into the background and ceases to play any significant role. I submit that

²¹ We find similar definitions in the 1780s lectures on logic, for example, in the “Vienna Logic”. For more on this see Krysh-top (2018).

и видим в записях лекционных курсов. Тем не менее сами эти разные аспекты у него весьма последовательно разводились как две стороны практического и теоретического.

В дальнейшем, в критический период, доминирующую роль будет играть первая дихотомия теоретического и практического. Так, в первой «Критике» мы читаем: «...теоретическое применение разума есть то, посредством которого я а priori (как необходимое) познаю, что нечто есть, имеет место, а практическое — то, посредством которого я а priori познаю, что должно произойти» (AA 03, S. 421, B 661 / A 633; Кант, 2006, с. 813)²⁰. Это соотносится напрямую лишь с первым пониманием теоретического и практического. Второе же — спекулятивное (теоретическое) и прагматическое (практическое) — отходит на второй план и перестает играть сколь-либо существенную роль. Именно это смещение акцентов в осмыслении теории и практики, на наш взгляд, может рассматриваться как одна из возможных причин отхода Канта от ранее использовавшейся им диады принципов оценки и исполнения в контексте разделения теории и практики и попытка заменить прежнюю терминологию в тех аспектах, которые им все же были сохранены.

Стоит признать, что такими более востребованными аспектами как раз и стали понимание принципов оценки и исполнения как объективного и субъективного оснований соответственно и утверждение необходимости наличия некоей внешней воли для реализации должностования. Все это в конечном счете самым непосредственным образом связывается с проблемой мотивации к исполнению своего обязательства, пусть даже уже отчетливо познанного.

При этом не так легко заметить корреляцию между пониманием принципа оценки как основы теории и принципа исполнения как основы практики и пониманием их же как объективного и субъективного принципов поведения, а уж

²⁰ Сходные определения мы находим и в лекциях по логике 1780-х гг., например в «Венской логике». См. об этом подробнее: (Крыштоп, 2018).

the shift of accents on the issue of theory and practice may be a possible reason why Kant drifted away from his previous diad of the principles of adjudication and execution in the context of the separation of theory and practice and as an attempt to replace the former terminology for the aspects that he had preserved.

Admittedly, such more important aspects became the understanding of the principles of adjudication and execution as respectively the objective and objective grounds and the need for an external will to realise the ought. In the final count all this is directly linked with the problem of motivation to fulfil one's duty even after it has been clearly understood.

It is not particularly easy to notice the correlation between understanding the principle of adjudication as the basis of theory and the principle of execution as the basis of practice and the understanding of the same as the objective and subjective principles of behaviour, let alone their connection with the problem of motivation. However, in explaining this connection Kant's lectures on logic may again be helpful, although they should be seen from a somewhat different angle. It is a well-known fact that Kant's lectures on logic were based on Georg Friedrich Meier's Compendium, but this does not mean that he did not introduce his own interpretations and did not make inserts. These are precisely the divergences we find in the case of the use in logic of the principles of adjudication and execution (which Meier does not mention). However, although Meier does not use these concepts to distinguish theoretical and practical knowledge the distinction itself is there. Besides, to refer to practical knowledge Meier (1752, p. 2) uses the word of the same root as Kant's — *ausübende Vernunftlehre*. Of particular importance to this study is the section devoted to practical cognition (§ 216-248), and especially § 221.

тем более их соотносимость с проблемой мотивации. Однако и для объяснения этой связи нам на помощь могут прийти все те же кантовские лекции по логике, хотя рассмотренные уже в несколько ином ключе. Хорошо известен тот факт, что Кант читал логику с опорой на компендиум Фр. Майера, но это не означает, что он не привносил свои интерпретации имеющихся там понятий и положений и не делал свои вставки. Именно с такими расхождениями мы как раз и сталкиваемся в случае использования в логике принципов оценки и исполнения (о которых нет речи у Майера). И хотя Майер не прибегает к этим понятиям для разделения теоретических и практических познаний, само это разделение у него присутствует. Кроме того, для обозначения практического познания Майер использует слово, однокоренное с кантовским, — *ausübende Vernunftlehre* (Meier, 1752, S. 2). Особое значение для нашего рассмотрения будет иметь раздел, посвященный именно практическому познанию (§ 216–248), в особенности § 221.

Привлечение к рассмотрению данного фрагмента компендиума Майера неслучайно и обосновывается не только тем фактом, что Кант опирался в своих лекциях по логике преимущественно на этот учебник. Не менее важно и другое обстоятельство. В кантовских заметках (2795–2828) к данному разделу компендиума Майера (AA 16, S. 518–532), посвященному рассмотрению практического познания, мы видим прямое соответствие рассматриваемым фрагментам из лекционных курсов. Это убеждает нас в том, что эти фрагменты являются прямой реакцией Канта на соответствующий пассаж компендиума Майера.

По Майеру, познание может быть практическим либо из-за своего предмета, либо из-за своих свойств: «Познание практическое либо из-за своего предмета (*cognitio obiective practica*), либо из-за его свойств (*cognitio subiective practica*), либо и то, и другое вместе. В первом случае оно должно иметь некий предмет, который может быть познан так, как требуется для практического познания. Во втором случае оно обладает такими свойствами, что может воз-

The reference to this particular fragment of Meier's Compendium is not accidental and is not only prompted by the fact that Kant based his logic lectures on this textbook. Equally important is another circumstance. Kant's notes (2795–2828) to this section of Meier's *Compendium* (*Refl*, AA 16, pp. 518-532), devoted to practical cognition, correspond exactly to the fragments of the lecture courses. This proves that these fragments are Kant's direct reactions to the corresponding passages in Meier's Compendium.

According to Meier (1752, p. 62), "cognition can be practical either because of its object, or because of its properties: *cognitio obiective practica* or *cognitio subiective practica*, or both. In the former case it must have an object that can be cognised in a way that is required for practical cognition. In the latter case it has properties, such that it can influence volition [*Begehrungskraft*]."²²

Kant is openly critical of the first part of the above definition. Consider this in "The Practical Philosophy of Powalski":

The word 'practical' can be taken in two meanings: a) because the object of science is *praxis* and in this case such practical science will be opposite to theory, b) to what extent it induces conformity to the rules or it is such [science] whose rules show themselves in application, in that sense such science would be opposite only to speculative cognition. [...] But science is called practical if its object is *praxis*. One and the same science can be both practical and theoretical [...]. Many disciplines are given the grand name *praxis* although they are often idle theories. People often think they do practical philosophy insofar as it has *praxis* as its object, but it is nothing but theories²³ (*V-PP/Powalski*, AA 27.1, p. 97).

²² Cf. "Eine Erkenntniß ist entweder ihres Gegenstandes wegen praktisch (*cognitio obiective practica*), oder ihrer Beschaffenheit wegen (*cognitio subiective practica*), oder beides zugleich. In dem ersten Falle muss sie einen Gegenstand haben, welcher so erkannt werden kann, wie zu einer praktischen Erkenntniß erfordert wird. In dem andern Falle ist sie so beschaffen, dass sie in die Begehrungskraft wirken kann."

²³ Cf. "Das Wort practisch kann in zweyerley Sinn genommen werden: a) insofern das Object der Wissenschaft die praxis ist und in diesem Fall wird eine solche practische Wissenschaft

действовать на силу желания [Begehrungskraft]» (Meier, 1752, S. 62).

Первую часть приведенного выше определения Майера Кант явно подвергает критике. Например, в «Практической философии Понвальски» мы читаем:

Слово «практический» может браться в двух смыслах: а) поскольку объектом науки является *praxis* и в этом случае такая практическая наука будет противоположна теории; б) насколько она побуждает исполнение правил или она является таковой [наукой], чьи правила показывают себя в применении, в этом смысле такая наука будет противоположна только лишь спекулятивному познанию. <...> Но наука называется практической, если она имеет в качестве объекта *praxis*. Одна и та же наука может быть и практической, и теоретической... Многим дисциплинам придается пышное имя *praxis*, хотя они в то же время часто являются праздными теориями. Часто полагают, что занимаются практической философией, поскольку она имеет своим объектом *praxis*, но все является сплошь теориями (AA 27.1, S. 97).

Вторая часть определения Майера, как кажется, также в данном случае неявно критикуется. Вместо майеровского определения второго значения «практического познания» как того, которое обуславливается свойствами, идет кантовское понимание практического как побуждающего к исполнению правил, познаваемых в теории. Но если мы внимательнее присмотримся к исходному определению Майера, а именно к его второй части, то увидим, что оно вовсе не исчезает у Канта бесследно. По факту именно эта вторая часть определения Майера и используется Кантом в дальнейшем, будучи положена в основание его понимания принципа исполнения как субъективного и вместе с тем непосредственно связанного с проблемой мотивации воли к реализации морального обязательства (то есть воздействующего на силу желания). В некотором смысле это кантовское понимание уже просвечивает в определении практического познания как *побуждающего* к исполнению правил.

The second part of Meier's definition is also implicitly criticised here. Instead of Meier's definition of the second meaning of "practical cognition" as that which is determined by properties there is the Kantian concept of the practical as that which induces conformity with the rules cognised in theory. But if we take a closer look at Meier's initial definition, namely its second part, we see that Kant does not dispense with it entirely. In fact Kant subsequently uses this second part of Meier's definition as the foundation of his interpretation of the principle of execution, both as subjective and as directly linked with the problem of motivation of the will to fulfil a moral obligation (i.e. influencing the strength of volition). To a certain extent there are glimmerings of this Kantian perception in his definition of practical cognition as inducing compliance with the rules.

The Principles of Adjudication and Execution in the Lectures on the Natural Right

It is in this meaning that the principles of adjudication and execution appear in the notes of lectures on the natural right. Here we find the scheme that we are familiar with from lectures on moral philosophy which, however, is not accompanied by extended explanations, thus necessitating a comparison with the notes of other lecture courses.

In the introduction to the first chapter, devoted to general concepts of free action and duty, Kant compares the principles of adju-

der Theorie opponirt. b) insofern sie die Ausübung der Regeln veranlaßt, oder sie ist diejenige deren Regeln sich in der Anwendung zeigen, in diesem Sinn wird solche Wissenschaft der bloß speculativischen Erkenntniß opponirt. [...] Die Wissenschaft aber heißt practisch wenn sie die praxis zum Object hat. Eine und dieselbe Wissenschaft kann practisch und theoretisch seyn. [...] Viele disciplinen werden mit dem prächtigen Namen praxis belegt, ob sie gleich oft müßige theorien sind. Man glaubt oft man behandle die practische Philosophie, weil sie zum Object die praxis hat, alles sind aber lauter theorien."

Принципы оценки и исполнения в лекциях по естественному праву

Именно в этом значении принципы оценки и исполнения появляются и на страницах записей лекций по естественному праву. Мы сталкиваемся здесь с уже хорошо известной нам из лекций по моральной философии схемой, которая здесь, правда, остается без развернутых пояснений, что и делает необходимым сравнение с записями других курсов лекций.

Во введении к первой главе, посвященной рассмотрению общих понятий свободного действия и обязанности, принципы оценки и исполнения сопоставляются Кантом с двумя видами справедливости — справедливость коммутативная (обменивающая) и дистрибутивная (распределительная)²¹: «*Justitia commutativa* — это право, которое каждый узнает сам из своего рассудка; *distributiva* — где также суждение третьего о праве должно иметь для меня действительную силу» (AA 27.2, S. 1337). Именно ко второму виду справедливости относятся законы, которые имеют действительную силу для каждого члена общества и определяют, что является согласным с правом, а что ему противоречит. При этом между этими двумя видами справедливости Кант выстраивает тот же вид взаимодействия, что и в случае принципов оценки и исполнения в моральной философии: «*Justitia commutativa* без *justitia distributiva* не имеет никакого результата. Это *Principium dijudicationis*, не *executionis*» (Ibid.).

Но более интересно для нас заключение этого раздела, тот вывод, к которому Кант подводит. Естественное право — предмет, которому посвящен весь лекционный курс, — относится им к принципу оценки, но не к принципу исполнения. Если мы теперь попытаемся сопоставить это с теми определениями принципов оценки и исполнения, которые мы подробно разбирали выше, то можем прийти к следующим выводам относительно данного раздела

²¹ Само выделение разных типов справедливости восходит к Аристотелю и его «Никомаховой этике» (глава 5).

dication and execution with two types of justice: “*Justitia commutativa* {commutative justice} is the right in which each cognises himself through his own understanding, and *distributiva* {distributive} where also the judgment of a third must confirm the right for me” (V-NR/*Feyerabend*, AA 27.2, p. 1337; Kant, 2016b, p. 103). The second type of justice includes laws that apply to every member of society and determine what agrees with the law and what contradicts it. According to Kant, the relationship between the two types of justice is the same as between the principles of adjudication and execution in moral philosophy: “*Justitia commutativa* has no *effectus* without *distributiva* {distributive justice}. It is *principium dijudicationis* {a principle of dijudication} not *executionis* {of execution}” (ibid.; Kant, 2016b, pp. 103-104).

More interesting for us is Kant’s conclusion of this section. He refers the natural right, which is the subject of the whole lecture course, to the principle of adjudication and not the principle of execution. If we compare this with the definitions of the principles of adjudication and execution we have analysed above, we arrive at the following conclusions about this sphere of philosophical knowledge. It should comprise only those legal concepts and provisions that can be cognised by reason alone, without turning to concrete conditions, and can be deduced and proved *in abstracto*. The use of the common norms *in concreto* goes beyond the scope of this discipline because it pertains to the principle of execution with which the natural right, according to Kant, has nothing to do. But the principle of execution will correspond to the sphere of distributive justice which requires a third will vested with the power to resolve the disputes arising between individuals. In effect Kant assumes that the norms of natural right can be cognised by each person by their own reason. But each person may interpret it in his/her own way, and that may give

философского познания. К нему должны относиться только те правовые понятия и положения, которые могут быть познаны одним только разумом, без обращения к конкретным условиям, могут быть выведены и доказаны *in abstracto*. Применение же этих самых общих норм *in concreto* уже выходит за рамки этой дисциплины, так как оно относится к принципу исполнения, с которым естественное право, по мысли Канта, дела не имеет. Но принцип исполнения будет соотноситься как раз со сферой дистрибутивной справедливости, для которой необходима некая третья воля, которая могла бы и имела бы властные полномочия разрешать возникающие между отдельными индивидами споры. Фактически Кант предполагает, что нормы естественного права могут быть познаваемы каждым посредством его собственного разума. Но каждый может интерпретировать это по-своему, из-за чего и могут рождаться конфликты. И в таком случае конфликт должен разрешать кто-то третий, некая беспристрастная инстанция. Такой инстанцией будет суверен, опирающийся на нормы позитивного законодательства, служащего цели определения того, как общие нормы естественного права должны функционировать в конкретных обстоятельствах.

Таким образом, естественное право рассматривается как неразрывно связанное с позитивными законами по тому же самому принципу, по которому связана теория с практикой. Принципы естественного права должны быть теорией, принципом оценки. Разум не нуждается ни в чем внешнем для их познания и способен вывести их априорно. Но для того, чтобы быть действенными и иметь результат, они нуждаются в дополнении практикой, принципом исполнения или, иначе, позитивными правовыми нормами, которые уже не могут быть установлены априорно, так как их задачей является применение этих всеобщих абстрактных норм к конкретным условиям жизнедеятельности обществ. Конечно, в конструкции Канта второе должно основываться и выводиться из первого, в силу чего между этими двумя уровнями права — теоретическим и прак-

rise to conflicts. In this case the conflict should be resolved by a third side, some unbiased party. Such a party would be the sovereign who proceeds from the norms of positive legislation which determines what common norms of natural right should apply in concrete circumstances.

Thus, natural right is inseparably connected with positive rights, like theory with practice. The principles of natural right should be the theory, the principle of adjudication. Reason does not need anything external to cognise them and can deduce them *a priori*. But to be effective and deliver a result, they need to be complemented by practice, the principle of execution, otherwise by positive legal norms which cannot be established *a priori* since their task is to apply these universal abstract norms to the concrete conditions of the functioning of society. In Kant's structure, of course, the latter should be based on and deduced from the former, hence there should be no contradictions between the two levels of right, the theoretical and the practical. This should be the goal in cleansing positive right of anything that contradicts general *a priori* principles of natural right.

To conclude, one further remark would not come amiss. The notes of Feyerabend's lectures on the natural right are commonly dated at the mid- 1780s (the summer semester of 1784). If we accept that dating, which today is unchallengeable, we can say that this manuscript has the last mention of the principles of adjudication and execution and, what is more, they are used together and in the interpretation characteristic of the pre-critical Kant. If so, the history of this pair of concepts in Kant's philosophy seems to be as follows: initially these principles appear and develop in logic; then they are transferred in the same meaning to moral philosophy where two more aspects are added to their interpretation before they are borrowed into natural right.

тическим — не должно быть противоречий. И именно к этому и следует стремиться, очищая позитивное законодательство от всего того, что вступает в противоречие со всеобщими априорными принципами естественного права.

В завершение можно сделать лишь еще одну ремарку. Рассмотренные записи лекций по естественному праву Файерабенда принято датировать серединой 1780-х гг. (летним семестром 1784 г.). И если мы принимаем данную датировку — а оспаривать ее сегодня уже не представляется возможным, — то можно сказать, что в этом манускрипте мы находим самое позднее упоминание принципов оценки и исполнения, причем обоих вместе и в совершенно традиционном для докритического Канта варианте их понимания. И в таком случае, по всей видимости, история развития этой парной пары в кантовской философии выглядит следующим образом: сначала эти принципы появляются и развиваются в логике, затем в том же значении переносятся в моральную философию, где к прежнему их пониманию присоединяются еще два новых аспекта, а уже оттуда заимствуются в естественное право.

Итоги

По итогам представленного анализа случаев употребления понятий принципов оценки и исполнения можно сделать следующие выводы. Данные понятия используются Кантом в их специфическом значении исключительно в лекционных курсах и черновых заметках. Эти понятия имеют три разных смысловых аспекта: служат разделению теории и практики, объективных и субъективных оснований поведения (проблема познания обязательства и мотивации к его осуществлению), самодостаточности и необходимости внешней воли. Изначально они появляются в лекциях по логике (еще в начале 1770-х гг.) и вскоре переносятся Кантом в сферу моральной философии. При этом для лекций по логике и соответствующих черновых заметок эти принципы выполняли прежде всего функцию разведения теоретической и прак-

Conclusion

Analysis of the uses of the concepts of the principles of adjudication and execution has led to the following conclusions. Kant uses these concepts only in lecture courses and in his work notes. These concepts perform three different functions: they serve to distinguish theory and practice, objective and subjective grounds for actions (the problem of cognising duty and motivating its fulfilment), self-sufficiency and the need for an external will. Initially they appear in the lectures on logic (in the early 1770s) and are soon transferred by Kant to the sphere of moral philosophy. For the lectures on logic and corresponding notes for them these principles served mainly to separate the theoretical and practical spheres of cognition. In the lecture courses on logic these terms were used up until the early 1780s. In the lectures of that period this binary system was used only partially, intersecting with the new Kantian definitions found in the *Critique of Pure Reason* (analytics / dialectics; canon / organon).

By contrast, in the lectures on moral philosophy we see the prevalence of the other aspect, the separation of the objective and subjective grounds for action and the related problem of motivation and the need to posit an external will. In the sphere of moral philosophy such an external will is God. These concepts disappear from the lectures on moral philosophy also in the 1780s. The latest reference occurs in the “Mrongovius II” manuscript, and that in a truncated form. I have established that the source of this additional meaning of the principle of execution in the terminological pair is Meier’s *Compendium*, on which Kant based his lectures on logic and which links one of the meanings of “practical cognition” with the possibility of influencing the strength of volition.

Kant then transfers the entire spectrum of meanings worked out in the framework of log-

тической сферы познания. В лекционных курсах по логике эти понятия используются вплоть до начала 1780-х гг. В лекциях этого периода мы можем отметить уже лишь частичное использование этой двоичной схемы и ее пересечение с новыми кантовскими дефинициями, присутствующими и в его «Критике чистого разума» (аналитика / диалектика; канон / органон).

В лекциях по моральной философии, напротив, мы видим превалирование другого смыслового аспекта — разделения объективного и субъективного основания действия и связанной с этим проблемы мотивации и необходимости полагания некоей внешней воли. В сфере моральной философии такой внешней волей становится Бог. Из лекций по моральной философии эти понятия пропадают также в 1780-е гг. Самое позднее упоминание встречается в рукописи «Мораль Мронговиус II», причем уже в несколько урезанном варианте. При этом удается установить, что источником такого дополнительного значения принципа исполнения в этой терминологической паре является компендиум Майера, с опорой на который Кант читал свои лекции по логике и который связывает одно из значений «практического познания» с возможностью оказывать влияние на силу желания.

Разработанный в рамках логики и моральной философии спектр значений переносится затем Кантом без изменений в сферу естественного права. В рукописи «Естественное право Файерабенда» мы видим отражение всех трех значимых смысловых аспектов данной терминологической пары, которая используется здесь, в отличие от «Морали Мронговиус II», в своем полном варианте. Судя по всему, это упоминание следует считать самым поздним. В отличие от моральной философии, место третьей независимой инстанции (внешней воли) призван исполнять суверен, претворяющий в жизнь нормы позитивного законодательства.

Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант № 24-28-01134 «Классическая немецкая философия права и российская философско-правовая современность» <https://rscf.ru/project/24-28-01134/>.

ic and moral philosophy without any changes to the sphere of natural right. In the manuscript “Feyerabend’s Natural Right” we see a reflection of all three aspects of the terminological pair which is here used in its full version, unlike in “Mrongovius II”. The signs are that this was the last occurrence of the terms. Unlike in moral philosophy, the place of the third autonomous authority (external will) is to be occupied by the sovereign who enforces the norms of positive right.

This research has been performed within the project no. 24-128-01134 “Classical German Philosophy of Law and Russian Philosophical and Legal Modernity” supported by the Russian Science Foundation (RSF), <https://rscf.ru/project/24-28-01134/>.

References

Adickes, E., 1925. Einleitung in die Abteilung des handschriftlichen Nachlasses. In: I. Kant, 1925. *Gesammelte Schriften, Band XIV*. Berlin & Leipzig: Walter de Gruyter, pp. XXXV-XLVII.

Allison, H., 2013. Autonomy in Kant and German Idealism. In: O. Sensen, ed. 2013. *Kant on Moral Autonomy*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 129-145.

Bobrova, A. S., 2022. The “Vienna Logic” of the 18th Century and the Destiny of Practical Logic in the 20th and 21st Centuries. In: I. Kant, 2022. *Venskaja logika [The Vienna Logic]*. Moscow: Kanon-Plus, pp. 161-188.

Brandt, R., 1982. Das Erlaubnisgesetz, oder: Vernunft und Geschichte in Kants Rechtslehre. In: R. Brandt, ed. 1982. *Rechtsphilosophie der Aufklärung. Symposium Wolfenbüttel*. Berlin: De Gruyter, pp. 233-285.

Brandt, R., 2010. *Immanuel Kant – was bleibt?* Hamburg: Meiner.

Delfosse, H. P., Hinske, N. and Sadun Bordonni, G., 2010–2014. *Kant-Index, Band 30: Stellenindex und Konkordanz zum „Naturrecht Feyerabend“, Teil 1: Einleitung des „Naturrechts Feyerabend“*. Stuttgart – Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog.

Düsing, K., 1971. Das Problem des höchsten Gutes in Kants praktischen Philosophie. *Kant-Studien*, 62(1), pp. 5-42.

Список литературы

Боброва А. С. «Венская логика» XVIII века и судьба практической логики в XX–XXI веках // Кант И. Венская логика. М. : Канон-Плюс, 2022. С. 161–188.

Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*) / под ред. В. А. Жучкова. М. : Прогресс-Традиция, 2000а.

Кант И. Лекции по этике. М. : Наука, 2000б.

Кант И. Критика чистого разума // Соч. на русском и немецком языках / под ред. Н. В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. М. : Наука, 2006. Т. 2.1.

Кант И. Естественное право Файерабенда. Введение // Кантовский сборник. 2016а. Т. 35, №3. С. 75–81.

Кант И. Естественное право Файерабенда. Введение (окончание) // Кантовский сборник. 2016б. Т. 35, № 4. С. 56–62.

Кант И. *Jus publicum universale absolutum*. Лекции по естественному праву Файерабенда (фрагмент) // Кантовский сборник. 2017. № 3 (36). С. 77–82.

Кант И. Венская логика. М. : Канон-Плюс, 2022.

Крыштоп Л. Э. Записи по естественному праву Файерабенда и их значение для кантоведения // Кантовский сборник. 2016. Т. 35, № 3. С. 67–74.

Крыштоп Л. Э. Кантовские лекции по логике и их значение для изучения кантовской практической философии // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 175–185.

Крыштоп Л. Э. Лекции Канта по логике и их значение для современного кантоведения // Вопросы философии. 2022. № 4. С. 105–115.

Хинске Н. Незамеченный комментарий Канта 1784 года к «Основоположению к метафизике нравов» (1785) // Историко-философский ежегодник 2014. М., 2014. С. 31–38.

Adickes E. Einleitung in die Abteilung des handschriftlichen Nachlasses // Kant I. *Gesammelte Schriften*. Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter, 1925. Bd. XIV. S. S. XV–LX.

Allison H. *Autonomy in Kant and German Idealism / Kant on Moral Autonomy* / ed. by O. Sensen. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. P. 129–145.

Brandt R. Das Erlaubnisgesetz, oder: Vernunft und Geschichte in Kants Rechtslehre // *Rechtsphilosophie der Aufklärung. Symposium Wolfenbüttel* / hrsg. von R. Brandt. Berlin : de Gruyter, 1982. S. 233–285.

Brandt R. *Immanuel Kant – was bleibt?* Hamburg : Meiner, 2010.

Delfosse H. P., Hinske N., Sadun Bordoni G. Kant-Index. Stellenindex und Konkordanz zum „*Naturrecht Feyerabend*“. Stuttgart-Bad Cannstatt : Frommann-Holzboog, 2010–2014. Bd. 30.1–30.3.

Erdmann, B., 1882–1884. *Reflexionen Kants zur kritischen Philosophie*. Leipzig: Fues.

Goy, I., 2007. Immanuel Kant über das moralische Gefühl der Achtung, *Zeitschrift für philosophische Forschung*, 61(3), pp. 337-360.

Guyer, P., 2012. Stellenindex und Konkordanz zum *Naturrecht Feyerabend*, Teil I: Einleitung des *Naturrechts Feyerabend*. *Ratio Juris*, 25, pp. 110-116.

Hinske, N., 1977. Die Datierung der Reflexion 3716 und die generellen Datierungsprobleme des Kantischen Nachlasses. *Erwiderung auf Josef Schmucker*. *Kant-Studien*, 68, pp. 321-340.

Hinske, N., 2014. An Annotated Kant's Commentary to the "Groundwork of the Metaphysics of Morals" (1785) from 1784. *History of Philosophy Yearbook 2014*, pp. 31-38. (In Rus.)

Hirsch, P.-A., 2012. *Kants Einleitung in die Rechtslehre von 1784. Immanuel Kants Rechtsbegriff in der Moralvorlesung „Mrongovius II“ und der Naturrechtsvorlesung „Feyerabend“ von 1784 sowie in der „Metaphysik der Sitten“ von 1797*. Göttingen: Universitätsverlag.

Kant, I., 1992. *Lectures on Logic*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1997. *Lectures on Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2010. *Direito Natural Feyerabend (Curso de Direito Natural (1784), segundo as anotações do aluno Gottfried Feyerabend)*. Introdução. *Cadernos de Filosofia Alemã*, 15, pp. 97-113.

Kant, I., 2016a. *Lezioni sul Diritto Naturale (Naturrecht Feyerabend)*. Testo tedesco a fronte, a cura di N. Hinske, G. Sadun Bordoni. Milano: Bompiani.

Kant, I., 2016b. *Natural Right Course Lecture Notes by Feyerabend*. In: I. Kant, 2016. *Lectures and Drafts on Political Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 81-180.

Kant, I., 2016c. *Natural Right Lecture Notes by Feyerabend*. Introduction. *Kantian Journal*, 3(57), pp. 75-81. (In Rus.)

Kant, I., 2016d. *Natural Right Lecture Notes by Feyerabend*. Introduction, part 2. *Kantian Journal*, 35(4), pp. 56-62. (In Rus.)

Kant, I., 2017. *Jus publicum universale absolutum*. *Kantian Journal*, 36(3), pp. 77-82. (In Rus.)

Krauß, W., 1926/1932. *Untersuchungen zu Kants moralphilosophischen Vorlesungen*. Philos. Dissertation. Tübingen: s.n.

Düsing Kl. Das Problem des höchsten Gutes in Kants praktischen Philosophie // *Kant-Studien*. 1971. Bd. 62, №1. S. 5-42.

Erdmann B. Reflexionen Kants zur kritischen Philosophie. Leipzig : Fues Verlag, 1882–1884.

Goy I. Immanuel Kant über das moralische Gefühl der Achtung // *Zeitschrift für philosophische Forschung*. 2007. Bd. 61, №3. S. 337–360.

Guyer P. Stellenindex und Konkordanz zum Naturrecht Feyerabend. T. 1 : Einleitung des Naturrechts Feyerabend // *Ratio Juris*. 2012. Vol. 25. P. 110–116.

Hinske N. Die Datierung der Reflexion 3716 und die generellen Datierungsprobleme des Kantischen Nachlasses. Erwiderung auf Josef Schmucker // *Kant-Studien*. 1977. Bd. 68. S. 321–340.

Hirsch Ph. -A. Kants Einleitung in die Rechtslehre von 1784. Immanuel Kants Rechtsbegriff in der Moralvorlesung „Mrongovius II“ und der Naturrechtsvorlesung „Feyerabend“ von 1784 sowie in der „Metaphysik der Sitten“ von 1797. Göttingen : Universitätsverlag, 2012.

Kant I. Direito Natural Feyerabend (Curso de Direito Natural (1784), segundo as anotações do aluno Gottfried Feyerabend). Introdução // *Cadernos de Filosofia Alemã*. 2010. № 15. P. 97–113.

Kant I. Lezioni sul Diritto Naturale (Naturrecht Feyerabend). Testo tedesco a fronte / a cura di N. Hinske, G. Sadun Bordoni. Milano : Bompiani, 2016a.

Kant I. Natural Right Course Lecture Notes by Feyerabend // *Kant I. Lectures and Drafts on Political Philosophy*. Cambridge : Cambridge University Press, 2016b. P. 81–180.

Krauß W. Untersuchungen zu Kants moralphilosophischen Vorlesungen : Philos. Diss. Tübingen, 1926.

Kuehn M. Kant's *Metaphysics of Morals*: Its History and Significance of Its Deferral // *Kant's Metaphysics of Morals. A Critical Guide* / ed. by L. Denis. N. Y. : Cambridge University Press, 2010. P. 9–27.

Kühn M. Einleitung // *Immanuel Kant. Vorlesung zur Moralphilosophie* / hrsg. von W. Stark. Berlin ; N. Y. : Meiner, 2004. S. VII–XXXV.

Meier G. F. Auszug aus der Vernunftlehre. Halle : Johann Justinus Gebauer, 1752.

Morrison I. Kant and the Role of Pleasure in Moral Action. Athens : Ohio University Press, 2008.

Sadun Bordoni G. Introduzione // *Kant I. Lezioni sul Diritto Naturale (Naturrecht Feyerabend)* / a cura di N. Hinske, G. Sadun Bordoni. Milano : Bompiani, 2016. P. 9–50.

Schlapp O. Kants Lehre vom Genie und die Entstehung der „Kritik der Urteilskraft“. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1901.

Schmitz H. Was wollte Kant. Bonn : Bouvier, 1989.

Schmucker J. Die Ursprünge der Ethik Kants in seinen vorkritischen Schriften und Reflexionen. Meisenheim am Glan : Anton Hain, 1961.

KryshTOP, L., 2016. Natural Right Notes Feyerabend and Their Value for Kant Studies. *Kantian Journal*, 3(57), pp. 67-74. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2016-3-6> (In Rus.)

KryshTOP, L., 2018. Kant's Lecture Notes on Logic and Their Importance for Kant's Practical Philosophy Studies. *Voprosy filosofii*, 9, pp. 175-185. (In Rus.)

KryshTOP, L., 2022. Kant's Lectures on Logic and Their Significance for Contemporary Kant Studies. *Voprosy filosofii*, 4, pp. 105-115.

Kuehn, M., 2010. Kant's *Metaphysics of Morals*: Its History and Significance of Its Deferral. In: L. Denis, ed. 2010. *Kant's "Metaphysics of Morals". A Critical Guide*. New York: Cambridge University Press, pp. 9-27.

Kühn, M., 2004. Einleitung. In: W. Stark ed. 2004. *Immanuel Kant. Vorlesung zur Moralphilosophie*. New York: Meiner, pp. VII-XXXV.

Meier, G. F., 1752. *Auszug aus der Vernunftlehre*. Halle: Johann Justinus Gebauer.

Morrison, I., 2008. *Kant and the Role of Pleasure in Moral Action*. Athens: Ohio University Press.

Sadun Bordoni, G., 2016, Introduzione. In: I. Kant, 2016. *Lezioni sul Diritto Naturale (Naturrecht Feyerabend)*. Milano: Bompiani, pp. 9-50.

Schlapp, O., 1901. *Kants Lehre vom Genie und die Entstehung der "Kritik der Urteilskraft"*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Schmitz, H., 1989. *Was wollte Kant?* Bonn: Bouvier Verlag.

Schmucker, J., 1961. *Die Ursprünge der Ethik Kants in seinen vorkritischen Schriften und Reflexionen*. Meisenheim am Glan: A. Hain.

Schmucker, J., 1976. Zur Datierung der Reflexion 3716. Das Versagen der Wortstatistik in der Frage der Datierung der frühen Kantischen Reflexionen zur Metaphysik, aufgewiesen an einem exemplarischen Fall. *Kant-Studien*, 67, pp. 73-101.

Schwaiger, C., 1999. *Kategorische und andere Imperative. Zur Entwicklung von Kants praktischer Philosophie bis 1785*. Stuttgart-Bad Cannstatt: Frommann-Holzboog.

Schwaiger, C., 2005. Christian Wolffs *Philosophia practica universalis*. Zu ursprünglichem Gehalt und späterer Gestalt einer neuen Grundlagendisziplin. In: L. Cataldi Madonna, ed. 2005. *Macht und Bescheidenheit der Vernunft. Beiträge zur Philosophie Christian Wolffs*. Hildesheim: Olms, pp. 219-233.

Timmermann, J., 2007. *Kant's Groundwork of the Metaphysics of Morals: A Commentary*. Cambridge: Cambridge University Press.

Schmucker J. Zur Datierung der Reflexion 3716. Das Versagen der Wortstatistik in der Frage der Datierung der frühen Kantischen Reflexionen zur Metaphysik, aufgewiesen an einem exemplarischen Fall // *Kant-Studien*. 1976. Bd. 67. S. 73–101.

Schwaiger C. Christian Wolffs *Philosophia practica universalis*. Zu ursprünglichem Gehalt und späterer Gestalt einer neuen Grundlagendisziplin // *Macht und Bescheidenheit der Vernunft. Beiträge zur Philosophie Christian Wolffs* / hrsg. von L. Cataldi Madonna. Hildesheim : Olms Verlag, 2005. S. 219–233.

Schwaiger C. Kategorische und andere Imperative. Zur Entwicklung von Kants praktischer Philosophie bis 1785. Stuttgart-Bad Cannstatt : Frommann-Holzboog, 1999.

Timmermann J. Kant's Groundwork of the *Metaphysics of Morals*: A Commentary. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.

Walsh J. Kant's Principia Diiudicationis and Executionis // *Kantian Review*. Published online 2024. P. 1–15. doi: 10.1017/S1369415424000050.

Young J.M. Translator's Introduction // *Kant I. Lectures on logic*. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. P. XV–XXXII.

Об авторе

Людмила Эдуардовна **Крыштоп**, доктор философских наук, доцент, профессор, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН им. Патриса Лумумбы), Москва, Россия; Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Россия.

E-mail: kryshtop-le@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1012-5953>

Для цитирования:

Крыштоп Л. Э. Принципы оценки (diiudicatio) и исполнения (executio) в практической философии Канта (на материале «Естественного права Файерабенда» и лекций по этике) // *Кантовский сборник*. 2024. Т. 43, № 4. С. 99–124.

doi: 10.5922/0207-6918-2024-4-4

© Крыштоп Л. Э., 2024.

Walsh, J., 2024. Kant's Principia Diiudicationis and Executionis. *Kantian Review*, [online] Available at: <https://doi.org/10.1017/S1369415424000050> [Accessed 28 August 2024].

Young, J.M., 1992. Translator's Introduction. In: I. Kant, 1992. *Lectures on logic*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. XV-XXXII.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Prof. Dr Ludmila E. **Kryshtop**, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: kryshtop-le@rudn.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1012-5953>

To cite this article:

Kryshtop, L. E., 2024. Principles of Adjudication (*diiudicatio*) and Execution (*executio*) in Kant's Practical Philosophy (Based on Feyerabend's *Natural Right* and *Lectures on Ethics*). *Kantian Journal*, 43(4), pp. 99-124.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-4-4>

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)